

УДК 343.97 + 34.341.5

К вопросу о детерминантах современного молодежного экстремизма

Смыслова Вера Николаевна

Старший преподаватель,
кафедра уголовного права и процесса,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
107150, Российская Федерация, Москва, ул. Лосиноостровская, 49;
e-mail: veramysh@mail.ru

Аннотация

В качестве исследовательской **задачи** в данной статье определена попытка раскрыть основные характерные черты, присущие современному молодежному экстремизму, выявить основные факторы радикализации и эскалации протестных и экстремистских настроений в молодежной среде. **Результаты.** Применение комплексного подхода в исследовании позволило: во-первых, сделать вывод о том, что экстремизм является наиболее характерной агрессивной формой реакции молодого поколения на существующие изменения в обществе; во-вторых, составить авторскую классификацию молодежных движений (групп, объединений) протестной и экстремистской направленности (в зависимости от мотивов и целей создания); в-третьих, выявить основные факторы, способствующие радикализации и вовлечению молодежи в движения (группы) протестно-экстремистской направленности; в-четвертых, установить, что радикализация и протестная активность представляют собой взаимосвязанные явления, в значительной мере детерминирующие проявления современного молодежного экстремизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Смыслова В.Н. К вопросу о детерминантах современного молодежного экстремизма // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 3А. С. 153-170.

Ключевые слова

Молодежный экстремизм, радикализация, протестная активность, предупреждение.

Введение

В условиях множественных изменений политической, экономической, социальной, правовой, религиозной сфер общества, «реформирования» мировоззрения молодежи наиболее характерной агрессивной формой реакции молодого поколения на сложившуюся ситуацию становится экстремизм, проблеме которого в современных научных исследованиях уделяется значительное внимание [Ростокинский, 2011; Агапов, 2014; Кудрин, 2016; Петрянин, 2017].

Молодежь как наиболее подвижная, инновационная часть общества выступает важнейшим мобилизационным ресурсом социально-экономического развития и политической активности, быстро и остро реагирует на изменение социально-экономической и политической ситуации, активно вовлекаясь в действующие конфликты [Зубок, Чупров, 2009; Ефанова, 2011, 32; Бацына, 2017, www].

В «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» молодежь определяется как социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями, включающая лиц в возрасте от 14 до 30 лет, в некоторых случаях до 35 лет (Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р).

Следует обратить внимание на то, что в «Перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму» из 7524 включенных в него граждан Российской Федерации около 20% – молодые люди 1990-1999 годов рождения (примерно половина из них – лица женского пола) [Перечень террористов и экстремистов..., www].

Трансформации в современном обществе усиливают тенденции идейной нетерпимости, групповой и общинной замкнутости объединений молодежи, создают условия для формирования и распространения молодежной криминальной субкультуры, радикализации молодежи, роста асоциальных и противоправных форм молодежной активности (подростковых самосудных расправ, неконвенциональных форм протестной активности), образуя комплекс детерминант молодежного экстремизма [Ростокинский, 2011, 2; Ефанова, 2011, 32; Смирнов, 2017, 108-109].

Под *молодежным экстремизмом* В.С. Кудрин понимает «неадекватный способ разрешения социально-экономических противоречий некоторой части молодежи, особенно студенчества, в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений» [Кудрин, 2016, 9].

Среди наиболее распространенных *видов молодежного экстремизма* выделяют¹: бытовой, социально-протестный, политический, религиозный, национально-этнический, пениitenciарный, спортивный (экстремизм в спортивной сфере) [Зубок, Чупров, 2009, 173],

¹ Подробная классификация видов молодежного экстремизма в данной статье не рассматривается.

экстремизм в сфере культуры (в т. ч. музыкальный) [Р. Нургалиев высказался..., [www](#); Музыкальный портал заблокировали..., [www](#); Ямальца арестовали... [www](#)].

Проявления экстремизма обнаруживают себя во всех сферах активности молодежи, при этом уровень и направленность экстремальных настроений непосредственно связаны с изменением социального положения данной группы: при негативном характере изменений экстремальные настроения молодежи превращаются в источник риска, способствуя объединению молодых людей для реализации экстремальности в форме экстремистских проявлений [Зубок, Чупров, 2009, 170].

Несмотря на характерную для большинства российской молодежи пассивность в политической сфере, протестный потенциал данной социальной группы остается достаточно высоким [Петрушина, 2012, 3-4; Ковтун, 2014].

Постсоветский период в России ознаменован массовыми митингами, демонстрациями, в числе которых имели место случаи проявлений радикальных настроений, массовых волнений и действий экстремистского характера.

Представители молодого поколения особенно остро реагируют на обострение ситуации социального неравенства. Так, в протестных акциях 30 декабря 2014 и 15 января 2015 года на Манежной площади в Москве [Неверов, 2016, [www](#)], общероссийских митингах против коррупции 26 марта 2017 года, двух маршах памяти Бориса Немцова в апреле 2017 года, 1 мая 2017 года в Москве значительное число участников составляла молодежь [В чем особенности..., [www](#); Чем закончится..., [www](#)]. В Новосибирске под слоганами «Космос рухнул», «Вошпрянем», «Куры – не сушки» в мае 2017 года прошла «монстрация» с участием главы Департамента культуры, спорта и молодежной политики мэрии города Новосибирска А.В. Терешковой [В Москве на Первомайской демонстрации..., [www](#)]. Незамедлительной реакцией на сложившуюся ситуацию явились намерения Совета по правам человека при Президенте РФ подготовить специальное заявление, осуждающее использование детей в политических целях, вплоть до полного запрета на участие в политических акциях детей до 14 лет [Детей уберут с баррикад..., [www](#)].

Самостоятельный криминогенный фактор, создающий предпосылку для проявлений экстремизма, представляет собой радикализация² молодежи, в процесс которой активно вовлекаются молодые мигранты, лица, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, представители фанатских групп, подростки из социально неблагополучных семей и другие категории молодежи.

Таким образом, изучение молодежного экстремизма требует комплексного подхода в целях выявления основных детерминирующих факторов и последующей разработки конструктивных мер противодействия данному противоправному явлению.

2 Радикализм – форма выражения крайних взглядов, идей, концепций; основанный на насильственных методах и средствах, радикализм может перерасти в экстремизм и крайнюю форму его проявления – терроризм.

Общая характеристика и основные факторы возникновения движений протестно-экстремистской направленности, эскалации радикальных и экстремистских настроений в молодежной среде

Среди общих причин расширения базы конфликтов и протестов в России выделяют беспрецедентное падение уровня доходов населения, миграционные процессы, урбанизацию, дисфункцию государственных институтов, кризис системы регулирования традиционного общества и другие факторы [Стародубская, Соколов, 2016, 24].

Основными *факторами возникновения* молодежных движений протестной направленности, эскалации радикальных и экстремистских настроений в молодежной среде являются: протест и вызов обществу, конфликт поколений, желание выделиться, приобщение к новым тенденциям мировой молодежной культуры на фоне социально-политической незащищенности молодежи [Акунина, 2011, 124], социальная сервильность (раболепство) [Ушамирский, 2015, www], «атомизация» молодежи [Агапов, 2016, 143], социальное аутсайдерство [Петрушина, 2012, 3-4; Ковтун, 2014], чувство страха, служащее причиной увеличения насилия и политического экстремизма [Логинова, 2007, 11], активность радикально-националистических организаций, псевдорелигиозных сообществ, приверженцев идеологии ИГИЛ (ИГ) (террористическая организация, запрещенная на территории РФ)³.

В постоянном ожидании встреч с «врагом» молодые люди вступают в борьбу «до победного конца», что часто переходит в совершение экстремистских и террористических действий [Севумян, 2017]. Развитие данного процесса можно представить в виде прохождения следующих взаимосвязанных между собой *этапов*: 1) чувство социальной обделенности, несправедливости к себе; 2) объединение в неформальную молодежную группу; 3) переход к совершению экстремистских действий [там же].

Протесты в молодежной среде находят выражение как в конвенциональных формах (разрешенные органами власти демонстрации, «монстрации», пикеты, флеш-мобы, перформансы, хэппенинги), так и неконвенциональных формах (подпольные политические партии, запрещенные шествия, митинги), доминирующей чертой которых все чаще выступает спектаклярность в силу характерного влечения молодежи к яркости, неординарности акций протеста [Хомякова, 2013].

Проанализировав множество имеющихся в научной литературе вариантов классификации по различным основаниям молодежных движений (групп, объединений) протестной и экстремистской направленности, предлагаем расширенный вариант классификации (по направленности мотивов и целей создания).

3 Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством террористическими (на 2 июня 2017 г.) // Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. 07 июня. № 7288 (122).

1. *Молодежные движения политической направленности* (леворадикальные движения – «Союз коммунистической молодежи», «Авангард коммунистической молодежи», «Национал-большевистская партия»; правозэкстремистские движения – «Евразийский союз молодежи», «Движение против нелегальной иммиграции», «Лига объединенной молодежи», «Оборона»).

2. *Молодежные движения социальной направленности* (антиглобалисты, экологические движения против ухудшения состояния окружающей среды, дауншифтеры).

3. *Неформальные субкультурные молодежные движения* (готы, эмо, толкиенисты, рейверы, паркуреры, диггеры, киллджои, кей-поперы) [Шинкаренко, 2017, 130].

4. *Молодежные религиозные движения радикального толка* (ваххабисты, группа Душенова-Назарова, общероссийское общественное политическое движение «Русский общенациональный союз», Союз православных хоругвеносцев (СПХ) и др. [Акунина, 2011, 124-126].

5. *Неформальные молодежные движения спортивных болельщиков (фанатов)* [Якуба, 2015, 3].

6. *Молодежные организации, пропагандирующие ценности тюремной субкультуры* («Городское арестантское единство» или «АУЕ» («Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство»).

Согласно данным исследования, проведенного отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, по уровню экстремистских проявлений лидирующую группу составляют националистические (среднее значение – 47,4%), протестные (36,7%), национально-патриотические (36,5%) и оппозиционные (33,2%) молодежные движения [Зубок, Чупров, 2009, 178].

Следует уточнить, что в научной литературе встречается описание объединений с так называемой «тюремной» («криминальной») идеологией [Ростокинский, 2011, 29; Гордеев, 2015; Шинкаренко, 2017, 130], однако выделение их в самостоятельный вид молодежных экстремистских организаций не является на данный момент устоявшимся в науке и, кроме того, активно оспаривается некоторыми представителями правоохранительных органов. Тем не менее происходящие события позволяют сделать предположение о начале зарождения новой молодежной политики, ценностную основу которой составляет криминальный образ жизни, основанный на нормах «воровского закона», тюремной «эстетике», в некоторой степени обнаруживающий сходство с властной идеологией радикального ислама.

Так, 21 ноября 2014 года в городе Борзя Забайкальского края в ходе составления протокола об административном правонарушении шестеро молодых людей, включая троих несовершеннолетних, оказали сопротивление сотрудникам ГИБДД, в ходе которого один из них произвел самопорез руки осколком стекла, сопровождая свои действия выкриком: «Ауе!». По данному факту возбуждено уголовное дело по статье 318 УК РФ («Угроза насилием представителю власти») [Собирайте малолеток..., www].

02.02.2016 по факту нападения на отделение полиции в городе Хилок Забайкальского края группой воспитанников коррекционной школы-интерната следственным отделом по Хилокскому району СУ СКР по Забайкальскому краю возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ («Хулиганство, совершенное группой лиц»). Задержанными по данному делу оказались молодые люди 1991-1993 г. р., являющиеся по оценке независимых специалистов участниками движения «АУЕ». Однако Судебной коллегией по уголовным делам Забайкальского краевого суда приговор Хилокского районного суда от 03.11.2016 отменен, действия подсудимых квалифицированы иначе – как кража с незаконным проникновением в жилище (ст. 158) и умышленное уничтожение или повреждение имущества из хулиганских побуждений (ст. 167).

Несмотря на то, что в настоящее время отсутствуют сведения о непосредственном участии приверженцев движения «АУЕ» в акциях протеста, нельзя полностью отрицать проявления подобной модели поведения в дальнейшем.

Многочисленные примеры протестов осужденных в воспитательных колониях [Жестокость в детских колониях, www] свидетельствуют о выборе содержащимися в данных учреждениях лицами деструктивных способов разрешения конфликтов в силу страха, стресса, неспособности применения конструктивных мер из-за отсутствия психологических ресурсов для противостояния жизненным трудностям, вызванных в том числе спецификой условий пребывания, и, как следствие, предпочтении протеста как одной из эмоциональных стратегий противостояния им.

Данная гипотеза косвенно подтверждается результатами исследования о предпосылках зарождения экстремистского мировоззрения молодежи, согласно которым для всех деструктивных форм протестной активности личности характерно неконструктивное разрешение бытовых противоречий, что обуславливает социальную непродуктивность личности и становится фактором зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения [Гусейнов, 2016]. Обострение указанной ситуации в пенитенциарных учреждениях может вызываться распространением радикально настроенными группировками религиозных (в сущности – псевдорелигиозных) материалов экстремистского содержания в следственных изоляторах, колониях, тюрьмах с целью вербовки в свои ряды новых членов среди осужденных [Меркурьев, Агапов, 2014, 48].

Изучение научной литературы позволило выделить основные *характерные черты личности субъектов преступлений экстремистской направленности среди молодежи* и выделить *основные тенденции*, наиболее полно характеризующие экстремистские проявления в молодежной среде.

1. Отмечается устойчивая тенденция «омоложения» и повышения криминальной активности лиц в возрасте 13-14 лет, причисляющих себя к неформальным молодежным объединениям [Агапов, Борисов, Борисов и др. 2016, 143].

2. В настоящее время происходит формирование особого стиля поведения молодого поколения, характеризующегося радикальным противостоянием, основанным на применении

насилия (вплоть до физического уничтожения) к лицам, не поддерживающим его идеологию; проявление исключительной жестокости, цинизма [Петрянин, 2012, 108].

3. Самостоятельную криминогенную тенденцию образует процесс радикализации молодежи в среде мигрантов [Смыслова, 2017, 288-289].

4. Молодежь сохраняет достаточно высокий протестный потенциал. В соответствии с возрастными закономерностями развития психики отдельные представители молодого поколения обнаруживают склонность к агрессии, стремление к лидерству, подражание поведению наиболее активных членов группы, что находит отражение в проявлении характерных особенностей протестной активности данной социальной группы.

5. Исследования протестного поведения с позиции гендерного подхода позволили выявить, что протестное поведение у девушек имеет более позитивную направленность по сравнению с юношами, для которых свойственно проявление протестного поведения в манифестирующей, асоциальной, нонконформистской формах [Лавриченко, 2013, 122].

6. Доминирующей чертой неконвенциональных форм поведения молодежи все чаще выступает espectacularность в силу характерного влечения молодежи к яркости, неординарности акций протеста [Хомякова, 2013].

7. Набирает популярность создание отрядов самообороны и экстремистских военизированных формирований, доходящая у представителей различных групп молодежи от 40,2 до 58,4% [Демаховская, 2003, 6].

8. Выявлено появление *нового вида неформальных молодежных организаций экстремистской направленности*, ориентированного на приверженность к субкультуре криминальных сообществ («АУЕ»).

9. В целом молодежный экстремизм все более приобретает политизированную направленность [Петрянин, 2017, 100].

Отдельные направления противодействия молодежному экстремизму

Многочисленные изменения в уголовном законодательстве, коснувшиеся составов преступлений экстремистской направленности, неоднократно подвергались критической оценке. В частности, предмет бурной научной дискуссии явились положения ст. 150 («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления») и ст. 205.1 («Содействие террористической деятельности») УК РФ о вовлечении и склонении к совершению преступлений, вошедшие в противоречие со ст. 33 УК РФ в части определения понятия подстрекательства к преступлению; положения Особенной части УК РФ об ответственности за организацию экстремистского сообщества, противоречащие предписаниям Общей части о формах соучастия и вопросах окончания преступной деятельности [Агапов, 2014; Петрянин, 2017; Пронина, 2017, 545].

По мнению А.И. Морозова, правильно поставленная уголовная политика привлечения к ответственности лиц за совершение преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, в

значительной степени определяет эффективность противодействия преступности несовершеннолетних и молодежи [Морозов, 2016, 127].

Продолжая тему эффективности профилактики преступности несовершеннолетних, некоторые авторы к важнейшим источникам получения достоверной информации о показателях преступности относят статистический анализ [Танаева, 2015, 184], в связи с чем обращаем внимание на несовершенство законодательной конструкции ч. 4 ст. 150 УК РФ, где наряду с таким квалифицирующим признаком, как «вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления» одновременно указан и квалифицирующий признак, характерный для преступлений экстремистской направленности, а именно «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

По нашему мнению, подобное смешение вышеуказанных квалифицирующих признаков в одной части статьи уголовного закона не позволяет достоверно выявлять количество преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности, исследовать личность субъектов преступлений, что в дальнейшем существенно затрудняет выработку конструктивных мер противодействия данным преступным деяниям. В целях совершенствования уголовного законодательства предлагаем: *исключить из ч. 4 ст. 150 УК РФ квалифицирующий признак «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», выделив данный признак в отдельную часть ст. 150 УК РФ⁴.*

Одним из направлений в сфере противодействия проявлениям молодежного экстремизма должно также стать совершенствование *направлений, форм и методов деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы*, в частности планомерное введение системы социальных лифтов в местах принудительного содержания. Примером может служить модель воспитательного центра в Брянской воспитательной колонии, предусматривающая переход от коллективного к индивидуальному подходу в воспитательной работе с осужденными.

Профилактика экстремистской деятельности в молодежной среде непосредственно связана с профилактикой психического здоровья, с вопросами эффективной адаптации к жизни и окружающей среде, с проблемами педагогики, воспитания, общения, понимания людьми друг друга и самих себя [Севумян, 2017].

Таким образом, можно предположить, что развитие молодежного экстремизма является, в том числе, следствием недостаточной социальной адаптации молодежи, вызванной рядом недоработок в государственной молодежной политике.

4 В данной статье нами отдельно не рассматриваются характеристика, классификация и уголовно-правовая оценка мотивов преступлений экстремистской направленности.

В этой связи положительным сдвигом в противодействии молодежному экстремизму является *принятие целевых региональных программ* по формированию у молодого поколения установок целостности и общности этнического, религиозного, культурного многообразия народов России [Агапов, Борисов, Борисов и др., 2016, 157].

Одной из несостоявшихся «попыток» противодействия молодежному экстремизму явилось намерение введения на территории Чеченской Республики (ЧР) «духовно-нравственной паспортизации» молодых людей в возрасте 14-35 лет, с указанием в приложении к паспорту национальной, тейповой (родовой), вирдовой (религиозной) принадлежности, а также перечня родственных лиц, несущих ответственность за данного человека (сведения об этом были распространены в феврале 2016 года через средства массовой информации пресс-службой Парламента ЧР). «Паспортизация» предполагала достижение цели в виде ограждения молодежи от влияния радикальных группировок путем усиления разъяснительной работы с молодежью, выявления лиц, склонных к вербовке в запрещенные на территории России экстремистские и террористические организации. Однако сразу после появления в СМИ указанная информация была официально опровергнута главой Чеченской Республики.

С позиции междисциплинарного подхода, с учетом комплекса психофизиологических, интеллектуальных, социальных, социально-психологических особенностей молодежи в качестве наиболее эффективных моделей противодействия протестной активности в научной литературе описывается модель, основанная на манипулятивных стратегиях информационно-коммуникативного взаимодействия (модель «кукольника»), подразумевающая изменение общественного мнения в пользу власти посредством использования манипулятивных технологий с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, печатных изданий [Прохоров, 2016, 40]. Одним из эффективных методов данной модели выступает дискредитация самого протеста, подрыв авторитета его лидера и, как следствие, потеря интереса участников к продолжению бессмысленных, «эмоционально серых», без чувства азарта и риска действий, не привлекающих внимания власти и граждан. Тем не менее данная модель имеет обратную сторону в виде потенциально возможного перехода протестной активности из открытого состояния в латентное [там же]. Таким образом, данная модель может носить только вспомогательный характер, применяясь наряду с комплексом государственно-правовых мер противодействия молодежному экстремизму.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что проблема противодействия молодежному экстремизму является одной из важнейших в условиях радикализации и роста протестной активности.

Радикализация и протестная активность занимают одно из ключевых мест в системе детерминант современного молодежного экстремизма. В отдельных случаях протестная

активность может способствовать зарождению экстремистского мировоззрения молодежи, выступать в качестве предпосылки радикализации.

Установлено, что современная молодежь имеет достаточно высокий протестный потенциал. В соответствии с возрастными закономерностями развития психики отдельные представители молодого поколения обнаруживают склонность к агрессии, стремление к лидерству, подражание поведению наиболее активных членов группы, что находит отражение в проявлении характерных особенностей протестной активности данной социальной группы. В целом молодежный экстремизм все более приобретает политизированную направленность.

Своеобразной доминирующей чертой неконвенциональных форм поведения молодежи в последнее время все чаще выступает спектаклярность в силу характерного влечения молодежи к яркости, неординарности акций протеста.

Исследования протестного поведения с позиции гендерного подхода позволили установить, что протестное поведение у девушек имеет более позитивную направленность по сравнению с юношами.

По нашему мнению, одним из значимых факторов развития молодежного экстремизма является недостаточная социальная адаптация молодежи, требующая пересмотра направлений развития государственной молодежной политики. К приоритетным направлениям развития государственной молодежной политики предлагаем отнести вопросы обеспечения социализации молодежи, вовлечения молодых людей в социальную практику и активную общественную деятельность.

Таким образом, выявление и предупреждение молодежного экстремизма представляет собой междисциплинарную проблему, предполагающую при ее разрешении объединение политических, экономических, психологических, социологических, гендерных, юридических исследований.

В целом противодействие молодежному экстремизму требует разработки комплекса мер по принятию социальных решений, приводящих к балансу между социально-экономическими преобразованиями и ожиданиями молодежи, воспитанию общероссийской гражданской идентичности, культурного и правового просвещения в разумном сочетании с эффективными мерами уголовно-правового характера.

Библиография

1. Агапов П.В., Борисов С.В., Борисов Т.Ю. и др. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор. М., 2016. 428 с.
2. Агапов П.В. Новейшее антитеррористическое законодательство: проблемы социально-криминологической обусловленности // Общество и право. 2014. № 1. С. 73-77.
3. Акунина Ю.А. Молодежные движения современной России: протест или созидание // Вестник МГУКИ. 2011. № 3 (41). С. 123-127.

4. Бацына Я.В. Актуальные проблемы социологии молодежи в XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.1.2>
5. В Москве на первомайской демонстрации задержали веганов. URL: https://riav.ru/news_id/42626
6. В чем особенности новой волны протестов в России. 06.04.2017. URL: <http://www.levada.ru/2017/04/06/v-chem-osobennosti-novoj-volny-protestov-v-rossii/>
7. Гордеев Н.С. Преступления экстремистской направленности: последние изменения, проблемы и тенденции уголовной политики // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 210-213.
8. Гусейнов А.Ш. Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 120-127.
9. Демаховская М.Е. Психологические факторы риска экстремистского поведения у подростков: автореферат дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 20 с.
10. Детей уберут с баррикад. В СПЧ готовят обращение против использования детей в политических акциях. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/4853/>
11. Ефанова Е.В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8. С. 30-33.
12. Жестокость в детских колониях. URL: <http://voprosik.net/zhestokost-v-detskix-koloniyaх/>
13. Жубрин Р.В. (ред.). Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества. М.: Проспект, 2016. 656 с.
14. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежные движения как форма социальной самоорганизации // Россия в условиях глобального кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2008 г. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2009. С. 167-181.
15. Ковтун Е.И. Причины современных молодежных протестов // Вестник магистратуры. 2014. № 9 (36). С. 55-58.
16. Кудрин В.С. Социально-культурные условия предупреждения молодежного экстремизма как социального риска: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2016. 25 с.
17. Лавриченко О.В. Половые различия в проявлениях протестного поведения подростков // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 118-122.
18. Логинова Е.Г. Страх как социальный феномен в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX вв.: автореферат дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 21 с.
19. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Проблемы пресечения и предупреждения экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России // Право и безопасность. 2014. № 2. С. 47-51.
20. Морозов А.И. Правовые и политические аспекты противодействия криминализации молодежи. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 272 с.

21. Музыкальный портал заблокировали за экстремизм по требованию Голышмановской прокуратуры. 16.12.2014. URL: <http://t-l.ru/185033.html>
22. Неверов А. Радикализация молодежи как социальный процесс // Политическое обозрение. 29.10.2016. URL: <http://lawinrussia.ru/content/radikalizaciya-molodezhi-kak-socialnyy-process>
23. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 15.12.2014. № 50. Ст. 7185.
24. Перечень террористов и экстремистов (действующие) // Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации. URL: <http://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>
25. Петрушина А.В. Протестное участие молодежи в современном российском обществе: автореферат дис. ... канд. соц. наук. Тула, 2012.
26. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование. М.: Проспект, 2017. 336 с.
27. Петрянин А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 104-109.
28. Пронина М.П. Коллизии в уголовном законодательстве как изъян в юридической технике // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 543-546.
29. Прохоров А.О. Манипулятивные модели реагирования российской власти на политические протесты // Чепляев В.Л. (ред.). Современные проблемы взаимодействия российского государства и общества: сборник материалов конференции (10 декабря 2015), Саратов. Саратов, 2016. С. 39-40.
30. Р. Нургалиев высказался о «музыкальном» аспекте экстремизма. 02.08.2011. URL: <http://www.rbc.ru/society/02/08/2011/5703ea379a79477633d360b6>
31. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявление субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 56 с.
32. Севумян В.Н. Экстремизм: причины недовольства и профилактика экстремизма в молодежной среде // Локота О.В. (ред.). Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт): материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 21 апреля 2016 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 292-299.
33. Смирнов А.М. Самосудные расправы в подростковой и молодежной среде // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 108-116.
34. Смыслова В.Н. Влияние миграционных процессов на состояние преступности экстремистской направленности в условиях радикализации и роста протестной активности в России и зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 283-297.

35. «Собирайте малолеток, пусть вскрываются» – новые девизы арестантов. URL: <https://www.chita.ru/articles/67382>
36. Стародубская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. 280 с.
37. Танаева З.Р. Статистический анализ и прогнозирование как основа профилактики преступности несовершеннолетних // Проблемы права. 2015. № 2 (50). С. 184-189.
38. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
39. Ушамирский А.Э. Особенности диспозиции молодежи в социальных конфликтах // Регионология. 2015. № 4. URL: <http://www.regionsar.ru/node/1430>
40. Хомякова Е.И. Спектакулярность как доминирующая черта современного жизненного стиля российской молодежи: социально-философский анализ: автореферат дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2013. 27 с.
41. Чем закончится бунт «школоты»? 14.04.2017. URL: <http://www.levada.ru/2017/04/14/chem-zakonchitsya-bunt-shkoloty/>
42. Шинкаренко Ю.В. Подросток в мире «собственных культур» // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 129-133.
43. Якуба А.В. Криминализация субкультур футбольных фанатов в условиях развития интернет-коммуникации: автореферат дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2015. 30 с.
44. Ямальца арестовали за музыкальный экстремизм в соцсети. 28.06.2016. URL: <http://www.uralinform.ru/news/crime/253468-yamalca-arestovali-za-muzykalnyi-ekstremizm-v-socseti/>

On determinants of modern youth extremism

Vera N. Smyslova

Senior Lecturer,

Department of criminal law and process,

Moscow State University of Humanities and Economics,

107150, 49 Losinoostrovskaya st., Moscow, Russian Federation;

e-mail: veramysh@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is to reveal the main characteristic features of modern youth extremism, to identify the main factors of radicalization and escalation of protest and extremist attitudes in the youth environment. Radicalization and protest activity occupy one of the

key places in the system of determinants of contemporary youth extremism. In some cases, protest activity can contribute to the emergence of an extremist worldview of young people, to act as a prerequisite for radicalization. The application of an integrated approach in the study made it possible to conclude that extremism is the most characteristic aggressive form of the reaction of the younger generation to the existing changes in society; to compile an author's classification of youth movements (groups, associations) of protest and extremist orientation (depending on the motives and goals of the creation); to identify the main factors contributing to the radicalization and involvement of youth in the movements (groups) of a protest extremist orientation; to prove that radicalization and protest activity are interrelated phenomena that largely determine the manifestations of contemporary youth extremism. Counteracting youth extremism requires the development of a set of measures to adopt social solutions that lead to a balance between social and economic transformations and youth expectations, education of the all-Russian civil identity, cultural and legal education in reasonable combination with effective criminal law measures.

For citation

Smyslova V.N. (2017) K voprosu o determinantakh sovremennogo molodezhnogo ekstremizma [On determinants of modern youth extremism]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (3A), pp. 153-170.

Keywords

Youth extremism, radicalization, protest activity, warning.

References

1. Agapov P.V., Borisov S.V., Borisov T.Yu. et al. (2016) *Ekstremizm: strategiya protivodeistviya i prokurorskiy nadzor* [Extremism: strategy of counteraction and prosecutor's supervision]. Moscow.
2. Agapov P.V. (2014) Noveishee antiterroristicheskoe zakonodatel'stvo: problemy sotsial'no-kriminologicheskoi obuslovlennosti [New antiterrorist legislation: the problems of social and criminological conditioning]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 1, pp. 73-77.
3. Akunina Yu.A. (2011) Molodezhnye dvizheniya sovremennoi Rossii: protest ili sozidanie [Youth movements of modern Russia: protest or creation]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of Moscow State University of Culture], 3 (41), pp. 123-127.
4. Batsyna Ya.V. (2017) Aktual'nye problemy sotsiologii molodezhi v XXI v. [Urgent problems of sociology of youth in the XXI century]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 1. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.1.2> [Accessed 25/04/17].

5. *Chem zakonchitsya bunt "shkoloty"?* [How will the youngsters' revolt end ?] (2017). Available at: <http://www.levada.ru/2017/04/14/chem-zakonchitsya-bunt-shkoloty/> [Accessed 27/04/17].
6. Demakhovskaya M.E. (2003) *Psikhologicheskie faktory riska ekstremistskogo povedeniya u podrostkov. Dokt. Diss. Abstract* [Psychological risk factors for extremist behavior in adolescents. Doct. Diss. Abstract]. Saint Petersburg.
7. *Detei uberut s barrikad. V SPCh gotovyat obrashchenie protiv ispol'zovaniya detei v politicheskikh aktsiyakh* [Children will be removed from the barricades. The HROs are preparing an appeal against the use of children in political actions]. Available at: <http://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/4853/> [Accessed 25/04/17].
8. Efanova E.V. (2011) Molodezhnyi ekstremizm kak forma politicheskogo protesta [Youth extremism as a form of political protest]. *Vlast'* [Power], 8, pp. 30-33.
9. Gordeev N.S. (2015) Prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti: poslednie izmeneniya, problemy i tendentsii ugolovnoi politiki [Crimes of an extremist orientation: recent changes, problems and trends in criminal policy]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State University], 2, pp. 210-213.
10. Guseinov A.Sh. (2016) Psikhologicheskie predposylki zarozhdeniya i podderzhaniya ekstremistskogo mirovozzreniya molodezhi [Psychological preconditions for the emergence and maintenance of an extremist worldview of young people]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 3 (116), pp. 120-127.
11. Khomyakova E.I. (2013) *Spektakulyarnost' kak dominiruyushchaya cherta sovremennogo zhiznennogo stilya rossiiskoi molodezhi: sotsial'no-filosofskii analiz. Dokt. Diss. Abstract* [Spectacularity as the dominant feature of the modern life style of Russian youth: socio-philosophical analysis: Doct. Diss. Abstract]. Tomsk.
12. Kovtun E.I. (2014) Prichiny sovremennykh molodezhnykh protestov [Causes of modern youth protests]. *Vestnik magistratury* [Journal of magistracy], 9 (36), pp. 55-58.
13. Kudrin V.S. (2016) *Sotsial'no-kul'turnye usloviya preduprezhdeniya molodezhnogo ekstremizma kak sotsial'nogo riska. Dokt. Diss. Abstract* [Socio-cultural conditions for the prevention of youth extremism as a social risk. Doct. Diss. Abstract]. Kazan.
14. Lavrichenko O.V. (2013) Polovye razlichiya v proyavleniyakh protestnogo povedeniya podrostkov [Sexual differences in the manifestations of the protest behavior of adolescents]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 9, pp. 118-122.
15. Loginova E.G. (2007) *Strakh kak sotsial'nyi fenomen v russkoi religioznoi filosofii kontsa KhIKh – pervoi poloviny KhKh vv. Dokt. Diss. Abstract* [Fear as a social phenomenon in the Russian religious philosophy of the late nineteenth and first half of the twentieth century. Doct. Diss. Abstract]. Chita.
16. Merkur'ev V.V., Agapov P.V. (2014) Problemy presecheniya i preduprezhdeniya ekstremistskoi deyatelnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii [Problems of suppression

- and prevention of extremist activity in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Pravo i bezopasnost'* [Law and security], 2, pp. 47-51.
17. Morozov A.I. (2016) *Pravovye i politicheskie aspekty protivodeistviya kriminalizatsii molodezhi* [Legal and political aspects of countering the criminalization of youth]. Orenburg: OGAU.
 18. *Muzykal'nyi portal zablockirovali za ekstremizm po trebovaniyu Golyshmanovskoi prokuratury* [The music portal was blocked for extremism at the request of the Golyshmanov Prosecutor's Office] (2014). Available at: <http://t-l.ru/185033.html> [Accessed 25/04/17].
 19. Neverov A. (2016) Radikalizatsiya molodezhi kak sotsial'nyi protsess [Radicalization of youth as a social process]. *Politicheskoe obozrenie* [Political Review]. 29.10.2016. Available at: <http://lawinrussia.ru/content/radikalizatsiya-molodezhi-kak-socialnyy-process> [Accessed 27/04/17].
 20. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 № 2403-r [On the approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period until 2025: Order of the Government of the Russian Federation No. 2403-r of November 29, 2014] (2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 50, Art. 7185.
 21. Perechen' terroristov i ekstremistov (deistvuyushchie) [List of terrorists and extremists (in force)]. *Federal'naya sluzhba po finansovomu monitoringu Rossiiskoi Federatsii* [Federal Service for Financial Monitoring of the Russian Federation]. Available at: <http://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> [Accessed 27/04/17].
 22. Petrushina A.V. (2012) *Protestnoe uchastie molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve. Dokt. Diss. Abstract* [Protest participation of young people in modern Russian society. Doct. Diss. Abstract]. Tula.
 23. Petryanin A.V. (2017) *Kontseptual'nye osnovy protivodeistviya prestupleniyam ekstremist-skoj napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Conceptual bases of counteraction to crimes of an extremist orientation: the theory-applied research]. Moscow: Prospekt Publ.
 24. Petryanin A.V. (2012) Lichnost' ekstremista: kriminologicheskii aspekt [Personality of the extremist: criminological aspect]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4 (20), pp. 104-109.
 25. Prokhorov A.O. (2016) Manipulyativnye modeli reagirovaniya rossiiskoi vlasti na politicheskie protest [Manipulative models of the Russian government's response to political protests]. In: Cheplyaev V.L. (ed.). *Sovremennye problemy vzaimodeistviya rossiiskogo gosudarstva i obshchestva: sbornik materialov konferentsii (10 dekabrya 2015)* [Modern problems of interaction between the Russian state and society: a collection of conference materials (December 10, 2015)], Saratov, pp. 39-40.
 26. Pronina M.P. (2017) Kollizii v ugovolnom zakonodatel'stve kak iz"yan v yuridicheskoi tekhnike [Conflicts in criminal law as a flaw in legal technology]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], 11, pp. 543-546.

27. R. Nurgaliev *vyskazalsya o "muzykal'nom" aspekte ekstremizma* [R. Nurgaliyev spoke about the "musical" aspect of extremism] (2011). Available at: <http://www.rbc.ru/society/02/08/2011/5703ea379a79477633d360b6> [Accessed 23/04/17].
28. Rostokinskii A.V. (2011) *Prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti kak proyavlenie subkul'turnykh konfliktov molodezhnykh ob"edinenii: ugovno-pravovye i kriminologicheskie problem. Dokt. Diss. Abstract* [Crimes of an extremist orientation as a manifestation of subcultural conflicts of youth associations: criminally-legal and criminological problems. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
29. Shinkarenko Yu.V. (2017) *Podrostok v mire "sobstvennykh kul'tur"* [Teenager in the world of "own cultures"]. *Mir psikhologii* [The world of psychology], 1 (89), pp. 129-133.
30. Sevumyan V.N. (2017) *Ekstremizm: prichiny nedovol'stva i profilaktika ekstremizma v molodezhnoi srede* [Extremism: the causes of discontent and the prevention of extremism in the youth environment]. In: Lokota O.V. (ed.). *Protivodeistvie ideologii ekstremizma i terrorizma v molodezhnoi srede (otechestvennyi i zarubezhnyi opyt): materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (Rostov-na-Donu, 21 aprelya 2016 g.) [Counteraction to the ideology of extremism and terrorism in the youth environment (domestic and foreign experience): materials of the interregional scientific and practical conference with international participation (Rostov-on-Don, April 21, 2016)]. Rostov n/D, pp. 292-299.
31. Smirnov A.M. (2017) *Samosudnye raspravy v podrostkovoi i molodezhnoi srede* [Massacres in teenage and youth environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 6, pp. 108-116.
32. Smyslova V.N. (2017) *Vliyanie migratsionnykh protsessov na sostoyanie prestupnosti ekstremistskoi napravlenosti v usloviyakh radikalizatsii i rosta protestnoi aktivnosti v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Influence of migration processes on the state of criminality of extremist orientation in conditions of radicalization and growth of protest activity in Russia and foreign countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and International Law], 7 (4A), pp. 283-297.
33. *"Sobiraite maloletok, pust' vskryvayutsya" – novye devizy arestantov* ["Collect youngsters, let them be opened" are new mottos of prisoners]. Available at: <https://www.chita.ru/articles/67382> [Accessed 24/04/17].
34. Starodubskaya I.V., Sokolov D.V. (2016) *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze* [The origins of conflicts in the North Caucasus]. Moscow: Delo RANKhiGS Publ.
35. Tanaeva Z.R. (2015) *Statisticheskii analiz i prognozirovaniye kak osnova profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnykh* [Statistical analysis and forecasting as a basis for the prevention of juvenile delinquency]. *Problemy prava* [Problems of law], 2 (50), pp. 184-189.
36. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 07.06.2017)* [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on

- 07.06.2017)] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 25, Art. 2954.
37. Ushamirskii A.E. (2015) *Osobennosti dispozitsii molodezhi v sotsial'nykh konfliktakh* [Peculiarities of the disposition of youth in social conflicts]. *Regionologiya* [Regions study], 4. Available at: <http://www.regionsar.ru/node/1430> [Accessed 27/04/17].
38. *V chem osobennosti novoi volny protestov v Rossii* [What are the features of the new wave of protests in Russia] (2017). Available at: <http://www.levada.ru/2017/04/06/v-chem-osobennosti-novoj-volny-protestov-v-rossii/> [Accessed 25/04/17].
39. *V Moskve na pervomaiskoi demonstratsii zaderzhali veganov* [In Moscow, at the May Day demonstration, vegans were detained]. Available at: https://riasv.ru/news_id/42626 [Accessed 21/04/17].
40. Yakuba A.V. (2015) *K riminalizatsiya subkul'tur futbol'nykh fanatov v usloviyakh razvitiya internet-kommunikatsii. Dokt. Diss. Abstract* [Criminalization of subcultures of football fans in the conditions of development of Internet communication. Doct. Diss. Abstract]. Krasnodar.
41. *Yamal'tsa arestovali za muzykal'nyi ekstremizm v sotsseti* [Yamalets was arrested for musical extremism in the social network] (2016). Available at: <http://www.uralinform.ru/news/crime/253468-yamalca-arestovali-za-muzykalnyi-ekstremizm-v-socseti/http://www.uralinform.ru/news/crime/253468-yamalca-arestovali-za-muzykalnyi-ekstremizm-v-socseti/> [Accessed 21/04/17].
42. *Zhestokost' v detskikh koloniyakh* [Cruelty in children's colonies]. Available at: <http://voprosik.net/zhestokost-v-detskix-koloniyaх/> [Accessed 21/04/17].
43. Zhubrin R.V. (ed.) (2016) *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremenom etape razvitiya rossiiskogo obshchestva* [Theoretical basis of crime prevention at the present stage of development of Russian society]. Moscow: Prospekt Publ.
44. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2009) *Molodezhnye dvizheniya kak forma sotsial'noi samorganizatsii* [Youth movements as a form of social self-organization]. *Rossiya v usloviyakh global'nogo krizisa. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2008 g.* [Russia in conditions of global crisis. Social and socio-political situation in Russia in 2008]. Moscow: RITs ISPI RAN, pp. 167-181.